

Белова Вероника Сергеевна

«Про кашу, пост, и кукурузные палочки»

Когда я училась в школе, примерно в классе седьмом, в нашей семье был период, когда не хватало денег даже на буханку хлеба. Мы питались тем, что вырастили летом в огороде, или тем, чем накормят в гостях мои бабушки. Но было у меня ещё одно подспорье — школьная столовая, в которой готовили очень-очень вкусно. Особенно выдающимися блюдами были сладкая молочно-рисовая каша на сливочном масле (которого в то время в нашей семье и в помине не было) и жареная курочка с гарниром (вкуснее которой я не пробовала до сих пор). И всё бы ничего, но только как назло, эту кашу давали по средам, а курицу по пятницам. А в эти дни у меня, как и у всех православных христиан, был пост. Поэтому мне удавалось полакомиться ими только несколько раз в год — на сплошных седмицах. В остальные дни давали то, что я не любила и никак не могла есть, хотя говорят, что эти блюда в нашей столовой были тоже очень вкусными: котлеты на пару, котлеты жареные, гречка, макароны, винегрет, суп и плов. Но речь пойдет не о них, а о той самой каше, которую стабильно давали по средам.

Так вот, в нашей семье был кризис, каждый день пресная еда из круп и овощей, супы, и тд. И без того разборчивый в еде ребёнок весом в 42 кг (при росте 168) от этого ПП счастлив явно не будет. Магазинового сладкого не было уже давно, а оно было для меня необходимо как воздух, или, по крайней мере, так мне тогда казалось. К тому дню, о котором я сейчас расскажу, в доме закончилось даже варенье, за ним нужно было идти в подвал, а сладкого очень хотелось.

Тем утром за чаем я как раз с грустью смотрела на пустую пиалу от варенья и прикидывала, когда папа сможет спуститься в подвал за новой банкой. Но долго грустить не пришлось, завтрак подходил к концу и нужно было спешить в школу.

Ученикам моей школы, чтобы узнать, чем будут кормить на обед, не обязательно было идти в столовую и смотреть меню. Для этого нам было достаточно выйти после первого урока в коридор, и по запаху за долю секунды определить название сегодняшнего блюда. Именно тогда, после первого урока, в классе начинались практиковаться торгово-рыночные отношения. Пермячи, сосиски, ватрушки, булочки с повидлом, хлеб с сыром, каша, котлеты и плов становились надёжной валютой за которую можно было купить ответы на контрольной или домашку, а также выразить симпатию или задобрить лидера мнений. Мне в этом плане было удобно, потому что пермячи, которые я не любила, у парней-математиков

были в особом ходу, и я (абсолютный гуманитарий) всегда могла ими распорядиться с умом.

Так и в этот раз, мальчишки, высунув свой нос после первого урока в коридор, пошли с нами торговаться, ведь в тот день была среда, а значит, на обед давали нежнейшую рисовую кашу с сыром и хлебом. Забронировав еду, все довольные и предвкушающие сытный обед, начали готовиться к уроку. Но мне было не до занятий. Все последующие три урока прошли в сильнейших внутренних терзаниях, в которых христианская совесть, кажется, пыталась задвинуться куда подальше. Мне очень хотелось эту молочно-рисовую кашу. Аргументами за нарушение поста было следующее: это всего лишь среда, не Великий и не Рождественский пост, поэтому масштаб греха меньше; молодой растущий организм нуждается в еде и полезных микроэлементах, а особенно в кальции, который содержится в сыре и молочной каше; дома кризис, где же я ещё поем каши на сливочном масле, и вообще, может быть, Господь сам хочет меня таким образом накормить нормальной едой и проявляет свою заботу, а я ещё выпендриваюсь; и в конце концов, если учась в школе, я всегда буду поститься в среду и пятницу, то закончу её так нормально и не поев фирменной вкуснейшей каши и курицы из школьной столовой. Возможно там были и другие аргументы, но пока вспомнились только эти четыре. А аргументом против нарушения поста было одно железобетонное и отрезвляющее «неверный в малом, и во многом не верен».

Весь этот ворох мыслей кружил в моей голове на протяжении нескольких часов. Перед мысленным взором представляли образы мучеников, которые за Христа отдавали жизни, а я не могу отказаться от каши. И сразу после этого звучал голос бабушки, которая каждый раз, когда слышит от меня слово "пост" начинает читать лекцию про молодой растущий организм. Это продолжалось до самого обеда, и уже сидя за столом перед тарелкой ароматной каши и бутербродом с сыром, я не знала, как поступить, какой сделать выбор. Одноклассник Макс уже спросил меня про сыр, но я ему отказала, и сражаясь в последней внутренней битве, я всё ещё не знала исход этой войны. Но вот, одна из противостоящих сторон нанесла решающий удар, и внутренняя война завершилась. Я обратилась к однокласснику:

– Макс, ты хотел сыр? А кашу будешь? Давай поменяемся на два хлеба.

В тот день мой обед состоял из одной чашки чая и трёх кусочков хлеба. Домой я шла со спокойной душой, чистой совестью и урчащим животом. Но несмотря на тихую грусть, в душе всё же было светло и мирно.

Придя домой, и проходя мимо кухни в свою комнату, я увидела, что на обеденном столе стоит большая коробка. Я знала, откуда берутся подобные коробки: в одном из местных магазинов в них оптом продают всякие сладости и раньше мы там часто что-нибудь покупали к чаю. Например, в коробке именно такого цвета и размера продаются сладкие кукурузные палочки... Или их продают в огромных полиэтиленовых пакетах? Точно не помню, но в любом случае, в нашем доме их быть не может. Скорее всего, там лежит какой-нибудь прибор или какая-то другая скучная взрослая ерунда, которую мама, вероятно, привезла от бабушки (тем более, что кукурузные палочки в такой коробке мы ей как-то тоже привозили). И всё же, любопытство, а самое главное, надежда, берут верх, и я подхожу к коробке, чтобы её открыть. На секунду охватывает волнение, потому что ну не может же быть, чтобы были палочки, денег нет даже на хлеб, а заехать в гости к кому-то, кто мог бы их подарить, у мамы во время обеда не бывает возможности. Что же там? Так и оттягиваю этот момент, боясь не оправдать своих надежд. Открываю, и вижу, что огромная коробка до краёв наполнена сладкими кукурузными палочками. Не веря своим глазам, я звоню маме, чтобы уточнить, точно ли это нам, ведь её мог кто-то попросить их купить и завести после работы. Звоню.

- Мам, а тут на кухне коробка с палочками, это кому?
- Кушай, это нам.

Значит, всё-таки подарили, только интересно, кто?

- А кто угостил? Это от бабушки?
- Нет, я купила.

В смысле, сама? Как?! Ведь до зарплаты ещё полмесяца!

- Как?! На что?
- Мне долг отдали, вот с них купила.

Видимо отдали очень большой долг, раз после покупки всего необходимого остались деньги на большую коробку сладких

палочек.

- А сколько отдали?
- Немного.
- Ну сколько?
- Рублей 150-200.

Так ведь это и есть стоимость всей коробки, а как же хлеб?

- Так у нас же на хлеб не хватает...
- Ну мне захотелось дочку порадовать. А хлеб купим!

Это было что-то невообразимое. Чтобы моя мама на последние и единственные деньги купила сладости в то время, когда нет средств на самое элементарное и необходимое?! Да никогда! Уверена, что тогда она сама до конца не осознавала, что делала.

Потом я вспомнила про выигранную войну во время обеда, и тут мой пазл сложился. По щекам рекой потекли слёзы, которые текут и сейчас, когда я вспоминаю эту историю. Это слёзы счастья от осознания того, как чуток и внимателен Бог по отношению к человеку.